

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Д. А. Ситкевич

Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана¹

СИТКЕВИЧ Даниил Андреевич — научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара. Адрес: 125993, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1; аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й учебный корпус.

Email: Sitkevich@iep.ru

Данная статья посвящена различиям в уровне доверия между традиционалистскими и модернистскими социальными группами в Республике Дагестан (регион на юге России, который только сейчас переживает процесс модернизации). Будучи важным фактором экономического роста в развитых странах, социальный капитал и доверие (его важнейшая компонента) зачастую оказывают негативное влияние на уровень благосостояния в традиционных сообществах. Проведённое исследование, основанное на социологическом опросе жителей Дагестана, показывает, что данная закономерность связана с тем, что в традиционном обществе преобладает закрытый социальный капитал, который даёт меньшую экономическую отдачу. Используя переменные, связанные с процессом разрушения традиционных норм (проживание и рождение в городе, модернистские религиозные воззрения, желание воспитывать в детях ценности самовыражения и не воспитывать ценности послушания), в статье доказывается, что принадлежность к более модернистским группам в традиционном сообществе связана с меньшим объёмом закрытого социального капитала, выраженного в снижении доверия к родственникам, друзьям, коллегам, землякам и представителям своей национальности. При этом процесс модернизации иначе влияет на открытый социальный капитал: наличие более модернистских ценностей положительно связано с уровнем обобщённого доверия, тогда как принадлежность к модернистским социальным группам — наоборот, негативно. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что фиксируемый в других работах высокий уровень социального капитала на Северном Кавказе (и, в частности, в Дагестане) на самом деле связан с высоким уровнем доверия к своему окружению и не так продуктивен, как в других регионах.

Ключевые слова: социальный капитал; модернизация; традиционное общество; доверие; трансформация норм; Дагестан.

Введение

В последние 30 лет вопрос влияния социального капитала на экономическую деятельность индивидов активно обсуждается как экономистами, так и социологами. Определяемый Р. Патнемом как набор из социальных связей, социальных норм и доверия между индивидами, социальный капитал, согласно исследованиям, коррелирует со многими показателями

¹ Статья написана в ходе научно-исследовательской работы Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (2020 г.) на тему «Влияние социального капитала на экономическое развитие в постколлективистских обществах (на примере Северного Кавказа)»

[Putnam 1993]. Так, к примеру, он положительно связан с темпами экономического роста [Knack, Keefer 1997], качеством государственного управления [Knack 2002], способностью совершать коллективные действия [Balliet, Van Lange 2013], человеческим капиталом [Behtoui, Neergaard 2016]. Хотя некоторые исследователи отмечают и «тёмные стороны» социального капитала [Portes 1998], в целом он считается благоприятным для экономического и социального развития.

Однако иная картина наблюдается в работах, посвящённых сообществам с преобладанием традиционных регуляторов. Некоторые исследования демонстрируют, что уровень доверия (показатель, наиболее часто используемый для измерения социального капитала) в традиционных сёлах отрицательно связан с благосостоянием жителей [Carter, Castillo 2002; Di Falco, Bulte 2011]. Этот феномен авторы связывают с тем, что в изучаемых ими традиционных сообществах структура социального капитала отличается от наблюдаемой в развитых странах, социальное доверие замкнуто внутри местных общин, а в радиус доверия входят лишь члены общины — родственники, земляки, друзья. Такого рода социальный капитал называют закрытым или бондинговым, и, в отличие от открытого (бриджингового) социального капитала, он менее производителен, так как не способствует выстраиванию слабых социальных связей [Lancee 2010]. Однако данные оценки по большей части основаны, во-первых, на качественных исследованиях и экспериментах в традиционных сообществах и, во-вторых, на дихотомии между традиционными сельскими сообществами и модернистскими городами, а не на изучении процесса модернизации традиционных сообществ.

Данная статья пытается восполнить этот пробел, количественно оценив влияние процесса модернизации на социальный капитал в традиционном обществе. Исследование основано на социологическом опросе, который был проведён в 2016 г. в Республике Дагестан. Выбор данного региона неслучаен. С одной стороны, это по-прежнему в основном аграрный регион, в котором широко распространены традиционные нормы и регуляторы хозяйственных отношений. Так, согласно К. И. Казенину, многие конфликты, связанные с правами собственности на землю, по-прежнему разрешаются с помощью адатов (местных правовых обычаев) и религиозных норм [Казенин 2015]. С другой стороны, как отмечает И. В. Стародубровская, в последние пару десятилетий в регионе (особенно в городах) происходит активный процесс модернизации, связанный с переездом сельских жителей в города и распространением рыночных отношений [Стародубровская 2015]. Трансформация структуры дагестанского общества, в котором процесс модернизации ускорился относительно недавно, происходит неравномерно и затрагивает не всё население. Это позволяет сопоставить разные сообщества на предмет того, как распространение модернистских ценностей и принадлежность к более модернистским группам связаны с накоплением социального капитала.

Результаты эмпирического исследования показали, что и наличие более традиционалистских ценностей, и принадлежность к более традиционалистским социальным группам положительно влияют на уровень закрытого социального капитала, измеряемого с помощью вопросов о доверии родственникам, друзьям, землякам. В то же время ценности, характерные для традиционного общества, отрицательно влияют на уровень открытого социального капитала (изменяемого через показатель обобщённого доверия), тогда как принадлежность к модернистским социальным группам, наоборот, негативно связана с обобщённым доверием.

Статья построена следующим образом: в первой части представлен обзор литературы, посвящённый модернизации и социальному капиталу в традиционных сообществах, и дано объяснение выбора Дагестана как места проведения опроса; во второй части описаны данные и методология, использованные в работе; в третьей части приведены результаты эмпирического исследования, а также сделаны основные выводы; завершает статью заключение.

Обзор литературы

Данное исследование основано на двух важных для экономической социологии концепциях — социального капитала и модернизации. Под модернизацией, согласно современным представителям теории модернизации (к примеру, Рональду Инглхарту), подразумевается трансформация национальных культур от традиционных социокультурных ценностей в сторону иных норм, основанных на секуляризме, рационализме и стремлении к самореализации. В отличие от ранних представителей теории модернизации (см., например: [Parsons, Shils 1951; Rostow 1960] и др.), современные её представители не считают, что экономическое развитие зависит от того, насколько общественное устройство в стране похоже на западное, допуская «множественную модернизацию»: каждое общество сохраняет свои особенности, при этом изменяясь в одном и том же направлении. Согласно Р. Инглхарту и К. Вельцелю, изменение ценностей во всех обществах происходит по двум осям — от традиционных ценностей к секулярным и рациональным, а также от ценностей выживания к ценностям самореализации [Inglehart, Welzel 2010]. При этом изменения по второй оси происходят позже, так как самореализация — ценность, относящаяся к постиндустриальной, а не к индустриальной эпохе, во время которой начинается модернизация.

Что касается социального капитала, то единого определения данного термина в научной литературе нет, однако в большинстве работ под ним подразумевается влияющий на экономическую деятельность индивидов набор из социальных норм, социальных связей и доверия между людьми. Из-за того что социальный капитал — достаточно обширное и многогранное понятие, за 30 лет его существования так и не выработался единый общепризнанный метод его измерения. Наиболее распространённой метрикой социального капитала, согласно метаисследованию Г. Уэстлунда и Ф. Адама, стало измерение уровня обобщённого доверия, измеряемого с помощью вопроса «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?» [Westlund, Adam 2010: 894]. Хотя этот показатель имеет свои недостатки (о которых будет сказано ниже), данная метрика является оптимальной как из-за простоты измерения, так и из-за того, что доверие косвенно связано с остальными компонентами социального капитала [Knack, Keefer 1997]. Более того, иные распространённые метрики социального капитала (следование социальным нормам, участие в добровольных ассоциациях), как показывает работа Н. Упхоффа, не всегда подходят для измерения социального капитала [Uphoff 2000]; в традиционных сообществах редко образуются формальные ассоциации и могут быть неформальные нормы, даже противоречащие тем, про которые спрашивают социологи.

Стоит отметить, что Упхофф также критикует и приведённый выше вопрос об обобщённом доверии; по его данным, этот показатель никак не связан с реальной кооперацией между жителями традиционных сообществ из-за того, что респонденты не понимают сути вопроса. Однако последующие работы показали, что дело не в понимании вопроса, а в его интерпретации. Согласно Я. Делею, К. Ньюто-ну и К. Вельцелю, восприятие вопроса о доверии большинству людей зависит от «круга доверия» — там, где он узок, а доверие направлено лишь на близких респонденту людей, в качестве «большинства людей» будет восприниматься меньшая группа, чем там, где круг доверия широк [Delhey, Newton, Welzel 2011]. Собранные авторами данные подтверждают их выводы: если в странах с преобладанием традиционных регуляторов (Таиланд, Марокко, Буркина-Фасо) радиус доверия узок, из-за чего показатель обобщённого доверия завышен, то в странах с постмодернизированным обществом (Италия, Швеция, Швейцария), наоборот, данный показатель не полностью учитывает объём социального капитала в стране. Это означает, что показатель обобщённого доверия можно использовать при анализе социального капитала, если учитывать, насколько широк или узок в обществе радиус доверия.

В данном исследовании также будет использоваться распространённое деление на открытый и закрытый социальный капитал, предложенное Патнемом [Putnam 2000]. Под закрытым социальным капи-

талом понимаются все социальные связи между гомогенными группами (семьи, рабочие коллективы, соседи); под открытым — объединяющие представителей разных социальных групп. Для измерения данных показателей используется методика С. Бёгелсдейка и С. Смалдерса: открытый социальный капитал оценивается с помощью значения обобщённого доверия, а закрытый — с помощью вопросов об уровне доверия к своим родственникам, друзьям и соседям [Beugelsdijk, Smulders 2003].

Говоря о социальном капитале в традиционных и модернизированных сообществах, стоит сразу отметить, что сам этот концепт изначально создавался для городских обществ, переживших модернизацию. Как отмечают Р. Форрест и А. Кёрнс, роль социального капитала возросла в результате формирования современного городского общества, когда социальное взаимодействие между людьми стало основываться не на близких родственных и родовых отношениях, общих религиозных и нравственных нормах, а на принципах индивидуализма, анонимности и конкуренции [Forrest, Kearns 2001]. Именно в модернизируемых сообществах социальный капитал, способствующий взаимодействию людей со слабыми социальными связями, имеет такое значение. С этим согласен и Ф. Фукуяма [Fukuyama 2001]. Большой объём социального капитала, по его мнению, является феноменом лишь развитых сообществ, тогда как в обществах, в которых важную роль играют традиционные регуляторы, солидарность и кооперация наблюдаются лишь в узких группах (обычно это семья, род и самые близкие друзья). При этом автор не считает возможным накопление открытого социального капитала в традиционных сообществах; формирование новых качественных социальных связей возможно только после распада традиционного общества, когда человек становится частью разных не связанных друг с другом организаций, а не членом одного рода или племени.

Впрочем, большинство современных исследователей, которые занимаются изучением развивающихся стран, имеют другое мнение по этому поводу. Они считают, что говорить о социальном капитале в традиционном обществе возможно, однако, во-первых, эта характеристика в меньшей степени присуща общинам с традиционными регуляторами; во-вторых, формы социального капитала в зависимости от разных этапов модернизации различаются; в-третьих, продуктивность социального капитала в разных видах общества варьируется.

Первыми на эту проблему обратили внимание М. Картер и М. Кастилло, изучая кооперацию в Южно-Африканской Республике [Carter, Castillo 2002]. Проведённые авторами эксперименты показали, что влияние социального капитала (и его компонентов — доверия и силы социальных связей) на благополучие в традиционных сёлах и более модернизированных городах различается. Если в городах социальный капитал и все его компоненты положительно влияют на средний уровень благосостояния, то в сёлах противоположный эффект: чем выше уровень социального капитала, тем ниже средние расходы домохозяйств. Авторы предлагают два объяснения данного феномена. Первое заключается в том, что высокий уровень социального капитала в традиционных сёлах может быть связан с более иерархичной системой управления селом, в которой его руководитель способен более внимательно следить за соблюдением правил. Эти правила, с одной стороны, создают определённую во взаимоотношениях между людьми, благодаря которой возникает доверие и, следовательно, социальный капитал, но, с другой стороны, ограничивают частную инициативу и креативность, из-за чего село не развивается. Второе объяснение заключается в том, что оцениваемое с помощью эксперимента доверие в городах и в сёлах — это разные типы социального капитала. Если в городах это открытый социальный капитал, благодаря которому человек наращивает новые контакты, то в сёлах наблюдается закрытый социальный капитал, который, наоборот, подталкивает искать в качестве контрагентов своих друзей и родственников, за счёт чего экономическая деятельность становится не такой эффективной.

Теория того, что социальный капитал в сёлах в основном закрытый, подтверждается эмпирически. Исходя из работы Дж. Гленвилл и К. Ши, для коллективистских обществ (к коим относится большин-

ство традиционных сообществ) характерно отсутствие связи между доверием к своему окружению и доверием всем людям [Glanville, Shi, 2020]. Это означает, что закрытый социальный капитал не трансформируется в открытый, из-за чего в такого рода обществах его наблюдается меньше. Связано это, по мнению авторов, с тем, что в коллективистских обществах кооперация с членами своего сообщества значительно выгоднее, чем с чужаками, из-за строгой системы внутреннего социального контроля.

Схожее объяснение предлагают С. Ди Фалько и Э. Булт [Di Falco, Vulte 2011]. По их мнению, в традиционных обществах значительной составляющей социального капитала являются родовые связи. Принадлежность к роду несёт большой набор обязательств — от необходимости пригласить весь род на свадьбу до обязанности помогать родне и пополнять общеродовую финансовую «подушку безопасности». В результате те, кто обладает большим накопленным социальным капиталом, активнее участвуют в жизни рода и отдают ему большую часть своего дохода, что лишает их стимула улучшать своё финансовое положение. Этот механизм влияния также позволяет объяснить немногие примеры положительного влияния закрытого социального капитала на благосостояние — например, в итальянских индустриальных районах (сети предпринимателей в традиционных отраслях), описанных Дж. Бекаттини, где благосостояние было достигнуто за счёт доверия между бизнесменами [Becattini 2004]. Всё дело в тех нормах, которые поддерживаются социальным капиталом. В то время как нормы внутри индустриальных районов подталкивают жителей к кооперации в инновационной деятельности, в других традиционных сообществах жители кооперируются ради системы социальной поддержки, которая сдерживает развитие.

Переходя к тому, как модернизация влияет на социальный капитал, стоит отметить, что социокультурные нормы меняются, причём процесс экономической модернизации идёт вместе с модернизацией общества. Как показывает исследование Р. Инглхарта и У. Бейкера, хотя из-за эффекта колеи многие неформальные нормы остаются устойчивыми в обществе, в целом экономическое развитие связано с переходом от норм традиционного общества к более рациональным и прогрессивным нормам общества модерна [Inglehart, Baker 2000]. Учитывая, что тесные связи внутри сообщества являются ценностью доиндустриальной эпохи, а межличностное доверие авторы связывают с самореализацией, можно предположить следующее:

- по мере модернизации сначала распадается социальный капитал, характерный для традиционного общества;
- после распада закрытого социального капитала в индустриальном обществе начинает формироваться открытый социальный капитал, характерный для постиндустриальной эры.

Если вторая часть данного утверждения подтверждается расчётами Инглхарта и Бейкера [Inglehart, Baker 2000], то эмпирических подтверждений первой части не так много. Одним из них является работа С. Радница, Дж. Уитли и К. Цюрхер, посвящённая социальному капиталу в Узбекистане и Киргизии [Radnitz, Wheatley, Zürcher 2009]. Пример данных республик интересен тем, что в них, с одной стороны, во многом сохранились традиционные регуляторы, а с другой стороны, данные страны были затронуты советским модернизационным проектом. Результаты исследования показали, что в обеих республиках преобладает закрытый, а не открытый социальный капитал, при этом в более модернизированных Бишкеке и Ташкенте уровень доверия ниже, чем в более традиционных сёлах. Ещё одним свидетельством связи между модернизацией и социальным капиталом может служить работа Ф. Альберти, посвящённая кооперации предпринимателей в итальянском городе Комо [Alberti 2006]. По наблюдениям исследователя, по мере модернизации изначально достаточно традиционного и замкнутого сообщества в городе снижалось доверие между жителями, из-за чего в 1980-х гг. кооперация между местными предпринимателями в производстве шерсти исчезла. Разрушение социального капитала в

Комо подтверждается и эмпирически: именно в 1980-х гг. в городе снижается процент жителей, участвующих в общественных организациях.

Особо стоит обратить внимание на исследование Ю. Хауберер и А. Татарко, посвящённое сравнению социального капитала в двух постмодернизационных сообществах (чехи и москвичи) и в двух традиционных сообществах (чеченцы и дагестанцы) [Häuberer, Tatarko 2017]. Опросы показали, что среди всех групп респондентов наблюдается одинаковый объём социального капитала, связанного с семейными связями, при этом объём социального капитала, связанного с дружескими отношениями, в Москве и Чехии выше; кроме того, в Москве значительно выше уровень открытого социального капитала. Хотя традиционные общества, как отмечают авторы, обычно связаны с более высоким уровнем социального капитала, в северокавказских республиках этого не наблюдается.

Перед тем как перейти к анализу данных, стоит уделить внимание существующим исследованиям процесса модернизации и накопления социального капитала на Северном Кавказе. На данный момент в научном сообществе существует дискуссия о том, что представляет собой сейчас дагестанское общество. Хауберер и Татарко рассматривают Дагестан (и остальные республики Северного Кавказа) как территории, где распространены традиционные регуляторы и которым ещё предстоит пройти путь модернизации [Häuberer, Tatarko 2017]. В то же время другие исследователи утверждают, что с конца 1980-х гг. в Дагестане происходит распад существовавших традиционных норм (в том числе и регулирующих коммуникации внутри сообществ) и растёт запрос на иные регуляторы [Стародубровская 2015]. Связано это с ростом глобализации и рыночных отношений после распада СССР, а также с активизацией миграции из сёл в города. Этот последний фактор коренным образом повлиял на дагестанское общество: миграция коренных жителей дагестанских городов в другие страны и регионы в 1990-х гг., массовый переезд сельских жителей привели к тому, что «были разрушены сформировавшиеся к тому времени зачатки городской культуры. Дагестан стал превращаться в “общество зыбучих песков”, где село засасывает город» [Стародубровская 2015: 78]. Тем не менее в скором времени городская культура стала возрождаться, и уже сейчас можно говорить о том, что, кроме рыночных реформ, Северный Кавказ столкнулся «с ещё одной не менее радикальной трансформацией — от традиционного к современному обществу» [Стародубровская 2014: 97].

Процесс модернизации дагестанского общества проявляется не только в урбанизации, но и в изменении религиозных воззрений местных жителей. Даже в советские годы Дагестан оставался, согласно А. А. Ярлыкапову, наиболее религиозным регионом Северного Кавказа [Ярлыкапов 2014]: хотя секулярные нормы в республиках постепенно распространялись (особенно в городах)², большая часть дагестанцев оставались верующими. При этом ислам в регионе оставался неоднородным; одновременно в республике существовали разные направления суфизма (мистическое направление в исламе), а также верующие, которые разделяли традиционные для Дагестана суфийские воззрения, но не ассоциировали себя с определенным тарикатом³. Однако процессы глобализации затронули, как показывает Ярлыкапов, и религию, в Дагестане появились новые и нетрадиционные для региона версии ислама, в основном более фундаменталистские и отсылающие к «истинному» исламу. Как отмечает Стародубровская, именно среди фундаменталистов наиболее велик запрос на отход от традиционных для региона регуляторов в пользу иных, более рациональных (по мнению самих фундаменталистов) норм, из-за чего автор исследования называет их возможными агентами модернизации [Стародубровская 2015]. Такими же «агентами модернизации» можно считать и проживающих в регионе этнических

² Далее для носителей секулярных взглядов будет использоваться понятие «этнические мусульмане». Связано это с тем, что носители секулярных взглядов обычно продолжают называть себя мусульманами на основании того, что в этносе, к которому они принадлежат, распространён ислам, при этом сами они не выполняют базовые требования, которые накладывает на них религия (например, не участвуют в молитвах).

³ Тарикат — объединение мусульман вокруг духовного лидера, свойственное приверженцам суфизма.

мусульман⁴, так как секуляризм традиционно связывается с процессом модернизации [Inglehart 1997]. При этом и нетрадиционные, и этнические мусульмане в модернизирующемся обществе чувствуют себя не совсем комфортно, нетрадиционные мусульмане сталкиваются с преследованием со стороны государства и традиционных мусульман [Стародубровская, Казенин 2014]; положение этнических мусульман в обществе, для которого религиозные ценности и исламская идентичность по-прежнему играют важнейшую роль [Шахбанова, Нурилова 2015], также кажется достаточно неустойчивым.

Говоря об уровне социального капитала в Дагестане, стоит отметить, что количественных исследований на эту тему немного, и они либо опираются на спорные метрики (например, уровень явки на выборах) [Коробейников et al. 2015], либо основаны на небольших датасетах [Гимбатов 2011]. Впрочем, приблизительные оценки уровня доверия в регионе дают качественные исследования. Так, в дагестанских сёлах доверие к незнакомцам либо отсутствует вообще (и тогда доверяют лишь родне и близким друзьям), либо распространяется лишь на жителей сельского сообщества: жители одного из ремесленных сёл из-за недоверия не готовы вместе работать ни с приезжими в их село, ни с теми, кто, наоборот, переехал из него в Махачкалу [Ситкевич 2021]. Похожие вещи наблюдаются и в дагестанских городах. Согласно исследованию И. Г. Старикова, основные коммуникации и обмен ресурсами в Махачкале также происходят в основном в рамках узких групп (кланы, землячества), причём отсутствие в городе подобных родственных связей в итоге негативно влияет на уровень благосостояния индивида [Стариков 2015]. При этом некоторые свидетельства позволяют утверждать, что определённые запасы открытого социального капитала в регионе существуют. Об этом говорит то, что в городе существуют созданные самими гражданами общественные движения, способные объединить «единомышленников с разными идеологическими, религиозными и культурными взглядами <...> людей различных профессий»⁵. Имеющиеся факты позволяют сделать предположение, что для Дагестана характерно преобладание закрытого социального капитала над открытым, особенно в сельской местности.

Обозрев имеющуюся научную литературу по теме работы, стоит указать на лакуны, которое данное исследование стремится устранить. Во-первых, подавляющее большинство исследований, связанных со сравнением социального капитала в традиционных и модернистских сообществах, сопоставляют между собой городские (модернистские) и сельские (традиционные) сообщества. Хотя факт проживания в городе действительно может использоваться как инструмент оценки того, насколько модернистские у человека ценности [Bradshaw 1987], вполне вероятны иные причины, по которым именно в городах преобладает открытый человеческий капитал (например, связанные с тем, что в городах живёт больше незнакомых людей, с которыми сталкивается человек). Необходима дополнительная проверка с помощью иных инструментов измерения ценностей для того, чтобы убедиться, что различия в уровне социального капитала связаны именно с модернизацией.

Во-вторых, практически все существующие исследования рассматривают случаи малых традиционных сообществ, в которых не происходят модернизационные процессы. В то же время не до конца ясно, что происходит с социальным капиталом по ходу процесса модернизации, и то, как различаются социальные связи у тех социальных групп, которых затронула общественная трансформация, и у тех, которые сохранили традиционалистские ценности.

В-третьих, все представленные выше исследования посвящены развивающимся странам Азии и Африки, тогда как количественных работ, которые были бы посвящены социальному капиталу на Северном Кавказе, практически нет, хотя они могли бы пролить свет на динамику развития региона.

⁴ Стоит отметить, что многие носители секулярных взглядов в 1990-х гг. уехали из республики, однако часть из них остались в дагестанских городах и сёлах. Кроме того, можно предположить, что существует определённая доля этнических мусульман, которые сами отошли от веры, хотя их родители были религиозными.

⁵ Цит. по сайту одного из таких движений: «#ГородНаш» (https://dag.aif.ru/society/eto_nash_gorod_kak_v_mahachkale_byutsya_za_zelenye_zony).

Исходя из изложенного выше можно выдвинуть три гипотезы, которые далее будут проверены с помощью проведённого в Дагестане социологического опроса:

Гипотеза 1 (H 1). Наличие у респондентов модернизационных ценностей и их принадлежность к модернистским социальным группам положительно влияют на уровень открытого социального капитала.

Гипотеза 2 (H 2). Наличие у респондентов модернизационных ценностей и их принадлежность к модернистским социальным группам отрицательно влияют на уровень закрытого социального капитала.

Гипотеза 3 (H 3). Для дагестанского общества, в котором лишь недавно активизировались процессы модернизации, характерен узкий радиус доверия, наблюдаемый в традиционалистских сообществах.

Данные и методология

Для проверки гипотез в работе используются данные социологического опроса, проведённого в мае 2016 г. И. В. Стародубровской, Е. А. Варшавером и Е. А. Лазаревым среди дагестанских мусульман [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016]. Респонденты собирались как через рекламу в социальных сетях ВК, Facebook и Instagram, так и через публикации ссылки на опрос на сайтах крупных дагестанских новостных порталов. Всего было опрошено 3105 человек, из них лишь 1675 анкет были заполнены до конца, которые и были использованы в исследовании⁶. Опрос проводился через Интернет, поэтому выборка не является репрезентативной: во-первых, около 20% жителей Дагестана, у которых, согласно Росстату, нет Интернета, технически не имели возможность принять участие в опросе; во-вторых, из-за недопредставленности определенных социальных групп. Это стоит учитывать при интерпретации результатов опроса. Если 43% респондентов ответили, что большинству людей можно доверять, ещё не означает, что 43% всех дагестанцев доверяют незнакомым людям. Скорее всего, эта оценка сильно завышена, поскольку в выборке преобладают более образованные люди и горожане (у которых можно ожидать иной уровень социального капитала), а также из-за проблемы самоотбора: те, кто не доверяет людям вообще, вряд ли будут проходить опрос, составленный неизвестными людьми.

Это, впрочем, не означает, что данные опроса невозможно использовать в научном анализе. Авторы опроса отмечают, что он «отражает только взгляды определённой части дагестанского общества, но массив заполненных анкет позволяет нам выявить закономерности в ответах на разные вопросы и таким образом понять, как, например, религиозные взгляды различаются между поколениями дагестанцев» [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016]. Иными словами, за счёт большого количества наблюдений данные, полученные в ходе опроса, позволяют выявить различия в значении интересующих нас показателей между существующими в республике социальными группами, а этого достаточно для проверки гипотез. Более того, учитывая методику распространения анкеты (таргетинг по всему региону в социальных сетях, наиболее популярные интернет-порталы Дагестана), можно предположить, что выборка не включает лишь какую-то обособленную от остального общества социальную группу, но в её состав входят представители разных страт дагестанского общества (пусть и не в тех пропорциях, в которых они существуют в реальности).

Описательная статистика, говорящая о составе респондентов, представлена в таблице 1.

⁶ Так как по ходу заполнения анкеты часть вопросов можно было пропускать, в некоторых регрессиях использовалось незначительно меньшее количество наблюдений в связи с неполнотой данных.

Таблица 1

Описательная статистика количественного исследования

Содержание вопросов	Значения ответов	Доля респондентов (%)
Пол	Мужской	70,3
	Женский	29,7
Возраст (полных лет)	До 35 лет	35,37
	35–55 лет	52,08
	Старше 55 лет	12,55
Место проживания	Махачкала	47,31
	Другой город	20,1
	Село	32,59
Место рождения	Город	26,74
	Село	73,26
Уровень образования	Начальное, незаконченное среднее	1,96
	Среднее	11,43
	Среднее профессиональное	13,9
	Высшее	72,72
Уровень религиозного образования	Нет	91,54
	Да, получено в Махачкале	5,79
	Да, получено в других городах России	1,4
	Да, получено за рубежом	1,27
Уровень образования родителей	У обоих есть высшее образование	24,24
	У одного есть высшее образование	30,58
	Ни у кого нет высшего образования	45,18
Религиозные группы	Этнические мусульмане	28,06
	Суфии	21,91
	Традиционные мусульмане	21,79
	Нетрадиционные мусульмане	27,16

Источник: [Стародубровская, Варшава, Лазарев 2016].

Как можно заметить, наша выборка несколько смещена: в ней меньше женщин, пожилых людей, жителей сёл и тех, у кого лишь среднее образование, чем в среднем по Дагестану. Тем не менее представители данных социальных групп присутствуют в выборке в достаточном количестве, чтобы сопоставить их между собой по уровню социального капитала.

Для проверки первой (Н 1) и второй (Н 2) гипотез будут построены семь пробит-моделей, в которых измеряется влияние модернизации на различные виды социального капитала. Пробит-модели применяются нами по той причине, что все зависимые переменные в регрессиях бинарные, из-за чего использование логит-моделей или пробит-моделей эффективнее, чем линейных моделей. Зависимая переменная в первой модели рассчитывается на основании ответа на вопрос «В целом считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?», где 1 — ответ «Да», 0 — ответ «Нет». Данная модель, описывающая влияние модернизации на открытый социальный капитал, позволит проверить первую гипотезу (Н 1).

Вторая гипотеза (Н 2), связанная с закрытым социальным капиталом, проверяется с помощью моделей 2–7. Зависимые переменные в этих моделях выстраиваются несколько иным образом. Сначала респондентам был задан вопрос «Кому из перечисленных групп Вы доверяете в первую очередь?», где вариантами ответов были «доверяю: родственникам, друзьям, землякам, коллегам, представителям своей

национальности, единоверцам». После этого был задан вопрос о том, каким из этих групп, кроме выбранной в предыдущем вопросе, доверяют респонденты. Переменная «доверие родственникам» равна 1, если родственники были выбраны хотя бы в одном из двух описанных выше вопросов; аналогично рассчитываются показатели «доверие друзьям», «доверие землякам», «доверие коллегам», «доверие представителям своей национальности», «доверие единоверцам». Необходимость сразу шести моделей, связанных с закрытым социальным капиталом, вызвана отсутствием единой общепринятой метрики данного показателя. Кроме того, представленные в работе модели позволяют оценить различия между социальными группами по каждому аспекту закрытого социального капитала: вполне возможно, что принадлежность к более модернистским группам влияет лишь на отдельные компоненты данного показателя. Доля респондентов, у которых значение зависимых переменных равно 1, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Данные об уровне доверия в выборках

Показатель доверия	Значение показателя у дагестанцев (%)
Обобщённое доверие	42,52
Доверие родственникам	70,01
Доверие друзьям	59,51
Доверие землякам	12,85
Доверие коллегам	20,52
Доверие представителям своей национальности	9,6
Доверие единоверцам	31,5

Переменными интереса в моделях 1–7 выступают сразу несколько показателей. Во-первых, это переменные, связанные с тем, живёт ли человек в городе, живёт ли он в Махачкале, а также родился ли он в городе. Описательная статистика для данных показателей представлена в таблице 1.

Во-вторых, это переменные, связанные с принадлежностью респондента к одной из четырёх религиозных групп, проживающих в Дагестане, — этническим мусульманам, традиционным мусульманам, нетрадиционным мусульманам и суфиям (сторонникам суфизма). Распределение респондентов по религиозным группам происходит на основании ответов на вопросы об их религиозных практиках. Процедура распределения, взятая у авторов датасета (см.: [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016]), показана в таблице 3; описательная статистика представлена в таблице 1.

Таблица 3

Методология распределения респондентов по религиозным группам

Религиозная группа	Соблюдение пятикратной молитвы	Принадлежность к тарикату	Участие в мавлидах*
Этнические мусульмане	Никогда	—	—
Суфии	Всегда или иногда	Да	—
Традиционные мусульмане	Всегда или иногда	Нет	Да
Нетрадиционные мусульмане	Всегда или иногда	Нет	Нет

Источник: [Стародубровская, Варшавер, Лазарев 2016].

* Мавлиды — празднование дня рождения пророка Мухаммеда, против которого выступают представители нетрадиционных для Дагестана версий ислама.

Из обзора литературы следует, что религиозные воззрения связаны с процессом модернизации. Суфии и традиционные мусульмане Дагестана более традиционалистские, тогда как появление нетрадиционных мусульман и более секулярных жителей региона связано с процессом модернизации⁷. При этом

⁷ Однозначно сказать, что является причиной, а что следствием, нельзя, но для нашей модели это не имеет значения, поскольку в ней присутствуют инструменты, оценивающие модернистские и традиционные ценности респондентов, а значит, если на социальный капитал влияют лишь ценности, а не принадлежность к более модернистской группе, то переменная будет незначимой.

существующие исследования показывают, что отдельные аспекты верований (например, вера в рай или ад) оказывают значимое влияние на уровень социального капитала [Kaasa 2013]. Более того, на доверие может негативно влиять продвижение определенных религиозных норм. Естественный эксперимент в английских колониях показал, что у тех народов, до которых добралось большее количество христианских миссионеров, ниже уровень социального капитала из-за того, что привнесение новых верований разрушало традиционные институты и нормы [Окоуе 2021]. Учитывая, что распространение секулярных ценностей и нетрадиционного ислама в Дагестане также во многом шло извне (секуляризм принёс советский модернистский проект, а фундаментализм — имамы, получившие религиозное образование за рубежом), можно предположить, что и в исследуемом нами кейсе религиозные взгляды оказывают влияние на доверие за счёт того, что этнические и нетрадиционные мусульмане, выбирая новые воззрения, отходят от традиционных норм и регуляторов. Единственным вероятным исключением может быть показатель доверия к единоверцам. Вполне вероятно, что на религиозные взгляды индивида может влиять его отношение к религиозной общине, и если он её представителям не доверяет, то предпочтёт те взгляды, которые минимизируют контакты с ней (и наоборот). Для оценки влияния модернизации на доверие к единоверцам стоит поэтому опираться на иные инструменты.

В-третьих, это переменные, связанные с ценностями респондентов, которые получают на основании ответа на вопрос, который содержится в следующей формулировке: «Вот список из 11 качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Вы считаете какие-то из них особенно важными? Вы можете выбрать не более пяти качеств». Контрольные переменные берутся в зависимости от выбора ответа «послушание» и «самовыражение». Данный вопрос позволяет напрямую оценить наличие (или отсутствие в случае вопроса про воспитание послушания) у респондентов ценностей современного общества. Выбор именно этой метрики основан на исследовании Инглхарта, где он отмечает, что в ходе модернизации общество уходит от традиционных норм, в которых важно послушание остальным, в сторону большего индивидуализма, когда весомую роль играет реализация самого себя [Inglehart 1997]. Желание воспитать в ребёнке послушание означает более традиционный взгляд на мир, в котором важной добродетелью является соблюдение правил и приказов старших по иерархии; в то же самое время желание воспитать самовыражение связано с более постмодернистским взглядом на мир, где важнейшая цель в жизни — самореализация. Иными словами, данные показатели позволят нам оценить уровень социального капитала у тех респондентов, которые дальше всех продвинулись по описанному Инглхартом пути трансформации ценностей, и тех, у кого сохранился более традиционалистский взгляд на воспитание. Что касается описательной статистики, то вариант «послушание» выбрало 25% респондентов, а «самовыражение» — 27%.

Распределение показателей доверия внутри групп основных объясняющих переменных представлено в приложении (см. табл. П.1), корреляционная матрица переменных интереса представлена тоже в приложении (см. таблицу П.2). Из корреляционной матрицы следует, что между переменными интереса нет сильной связи. Это значит, что наша модель не страдает от проблемы мультиколлинеарности, а оценки коэффициентов регрессии для переменных интересов будут точными (несмотря на наличие связи между отдельными показателями).

В-четвёртых, в регрессию добавлены контрольные переменные, связанные с полом (переменная равна 1, если респондент — мужчина, и 2 — если женщина), с возрастом, уровнем светского⁸ и религиозного образования⁹ респондентов, а также с уровнем образования родителей респондентов¹⁰.

⁸ Переменная равна 1, если респондент получил начальное или незаконченное среднее; равна 2, если получил среднее образование; равна 3, если получил среднее профессиональное образование; равна 4, если образование высшее.

⁹ Переменная равна 1, если респондент не имеет религиозного образования; равна 2, если респондент получил религиозное образование в Махачкале; равна 3, если получил религиозное образование в другом российском городе; равна 4, если религиозное образование получено за рубежом.

¹⁰ Переменная равна 1, если оба родителя респондента получили высшее образование; равна 2, если один родитель получил высшее образование; равна 3, если ни один родитель респондента не имеет высшего образования.

Для проверки третьей гипотезы (H_1) применяется метод расчёта радиуса доверия, используемый в работе Делея, Ньютона и Вельцеля [Delhey, Newton, Welzel 2011]. Идея данных авторов заключается в том, что в разных культурах понятие «большинство людей» может восприниматься по-разному, и там, где радиус «большинства людей» узок, уровень обобщённого доверия, скорее, связан с закрытым социальным капиталом. Чтобы понять, насколько велик радиус доверия, необходимо, согласно данному методу, построить на индивидуальных данных респондентов регрессию, в которой зависимой переменной выступает уровень обобщённого доверия, а независимыми переменными — уровень доверия к своим и уровень доверия к чужим. Из полученного в регрессии коэффициента корреляции доверия к чужим вычитается коэффициент корреляции доверия к своим, после чего к разнице прибавляют 1 и делят полученную сумму на 2. Итоговое значение и служит величиной радиуса доверия. По расчётам авторов, при радиусе доверия $> 0,5$ можно говорить о том, что обобщённое доверие распространяется на чужих, а при радиусе доверия $< 0,5$ доверие, скорее, направлено лишь на представителей других групп.

В данной работе используется методология, аналогичная той, что представлена выше, то есть построена регрессия, зависимой переменной в которой является обобщённое доверие, а независимыми — доверие к своим и доверие к чужим. Очевидно, что данная регрессия слабо объяснит факторы, по которым у респондентов различается уровень социального капитала. Однако она нужна не для этого, а только для того, чтобы получить коэффициенты, используемые для расчёта индекса радиуса доверия. По этой же причине регрессия представляет собой линейную, а не более подходящую для бинарной зависимой переменной пробит-модель: такой эмпирический дизайн, согласно Делею и его коллегам, позволяет получить сопоставимые друг с другом коэффициенты [Delhey, Newton, Welzel 2011: 792].

Различия между индексом Делея и коллег и индексом, используемым в данной работе, связаны с двумя причинами. Во-первых, индекс строится не для страны, а для отдельного (пусть и крупного) региона. Во-вторых, из-за недостатка данных в работе используются несколько иные показатели доверия к своим и к чужим.

Для расчёта уровня доверия к своим строится индекс, состоящий из трёх компонент с одинаковым весом: доверие к родственникам, к землякам и к друзьям (в оригинальной методологии — к семье, к соседям и людям, которых вы лично знаете).

Для расчёта уровня доверия к чужим используются данные о доверии к людям своей национальности и своей веры (в оригинальной методологии — к представителям чужой национальности, чужой веры и незнакомым людям).

Использование разных данных затрудняет сопоставление результатов текущего исследования с тем, что было получено Делеем и коллегами для стран мира. Однако наша оценка поможет оценить, насколько широк в Дагестане радиус доверия (так как, судя по таблице 2, единоверцы и представители своей национальности не входят в радиус доверия подавляющего большинства жителей региона), а также насколько социальный капитал в регионе связан лишь с доверием к близким людям. Более того, учитывая, что доверие к представителям других вер и этносов, скорее, будет ниже, чем доверие к представителям своих верований и этносов, а сама выборка, скорее, не включает тех, кто не готов никому доверять, можно предположить, что полученный в ходе данной работы результат будет, скорее, переоценивать величину радиуса доверия. Следовательно, низкий уровень радиуса доверия, полученный с помощью данной метрики, будет однозначно свидетельствовать об узости социального капитала в Дагестане.

Результаты

В таблице 4 представлены результаты проверки гипотезы 1 (Н 1).

Таблица 4

Результаты проверки гипотезы 1 (Н 1)

Независимые переменные	Зависимая переменная						
	Обобщённое доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Возрастная когорта	0,292*** (0,056)	0,014 (0,056)	- 0,054 (0,054)	0,221*** (0,069)	0,259*** (0,060)	0,099 (0,074)	- 0,045 (0,061)
Желание воспитывать послушание	- 0,282*** (0,082)	0,108 (0,082)	0,007 (0,078)	0,038 (0,099)	- 0,011 (0,089)	- 0,024 (0,107)	0,088 (0,084)
Желание воспитывать самовыражение	0,119 (0,079)	- 0,032 (0,079)	0,008 (0,077)	0,034 (0,100)	- 0,129 (0,088)	- 0,115 (0,112)	- 0,214** (0,090)
Проживание в городе	- 0,053 (0,097)	- 0,172* (0,098)	- 0,281*** (0,094)	- 0,237** (0,119)	- 0,088 (0,105)	- 0,271** (0,129)	- 0,162 (0,105)
Проживание в Махачкале	- 0,105 (0,095)	0,019 (0,095)	0,152* (0,092)	0,113 (0,120)	0,058 (0,103)	0,118 (0,131)	- 0,008 (0,105)
Суфии	0,051 (0,102)	- 0,059 (0,104)	0,062 (0,098)	0,181 (0,116)	0,143 (0,107)	0,083 (0,125)	0,209** (0,101)
Неградиционные мусульмане	- 0,189* (0,098)	- 0,238** (0,098)	0,083 (0,094)	- 0,274** (0,122)	- 0,243** (0,109)	- 0,326** (0,132)	0,409*** (0,096)
Этнические мусульмане	- 0,231** (0,099)	- 0,172* (0,099)	0,142 (0,095)	- 0,202* (0,122)	- 0,043 (0,106)	- 0,141 (0,130)	- 0,929*** (0,122)
Городское происхождение	- 0,068 (0,087)	- 0,098 (0,085)	0,0004 (0,083)	- 0,238** (0,111)	- 0,185* (0,096)	- 0,210* (0,120)	- 0,048 (0,092)
Пол	- 0,002 (0,077)	- 0,102 (0,076)	- 0,361*** (0,073)	- 0,440*** (0,106)	- 0,132 (0,085)	- 0,386*** (0,115)	- 0,647*** (0,091)
Образование	- 0,011 (0,047)	0,00002 (0,046)	0,073* (0,044)	- 0,051 (0,055)	0,099* (0,052)	- 0,137** (0,057)	- 0,086* (0,048)
Религиозное образование	- 0,016 (0,075)	- 0,057 (0,073)	0,027 (0,073)	0,096 (0,086)	- 0,029 (0,087)	0,081 (0,092)	0,260*** (0,077)
Образование родителей	0,086* (0,045)	- 0,104** (0,045)	- 0,078* (0,044)	- 0,061 (0,057)	- 0,032 (0,050)	- 0,075 (0,061)	- 0,036 (0,049)
Константа	- 0,577** (0,284)	1,181*** (0,280)	0,733*** (0,269)	- 0,553 (0,342)	- 1,223*** (0,314)	- 0,135 (0,361)	0,654** (0,298)
Observations	1,439	1,552	1,552	1,552	1,552	1,552	1,552
Log Likelihood	- 941,428	- 935,449	- 1,022 335	- 566,090	- 757,090	- 471,464	- 796,751
Akaike Inf. Crit.	1,910 856	1,898 899	2,072 670	1,160 180	1,542 181	970,928	1,621 501

Источник: собственные вычисления автора.

Примечания: в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов. * $p < 0,1$; ** $p < 0,5$; *** $p < 0,01$.

Можно заметить, что переменные, связанные с урбанизацией, негативно связаны с различными показателями закрытого социального капитала: горожане менее склонны доверять родственникам (правда, коэффициент значим лишь на уровне $p < 0,1$), друзьям (причём эффект в Махачкале меньше¹¹), земля-

¹¹ Учитывая, что переменная «Проживание в городе» включает в том числе и проживающих в столице Дагестана, полученное значение коэффициента стоит трактовать следующим образом: если факт проживания в иных дагестанских

кам и представителям своей национальности; уроженцы городов при прочих равных меньше доверяют землякам, коллегам и представителям своей национальности. Иными словами, городская среда, разрушающая традиционные социальные связи, иерархии и регуляторы, ломает и накопленный в только вступившем на путь модернизации обществе закрытый социальный капитал: все имеющиеся его показатели негативно коррелируют хотя бы с одной переменной, связанной с местом рождения и проживания (хотя в случае родственников и коллег это происходит лишь на уровне значимости $p < 0,1$).

Что касается иных модернистских групп, то принадлежность к ним также в основном негативно связана с показателями закрытого социального капитала. Нетрадиционные и этнические мусульмане менее склонны доверять родственникам и землякам; нетрадиционные мусульмане также меньше доверяют коллегам и представителям своей национальности. При этом разные модернистские группы по-разному доверяют своим единоверцам: если более религиозные нетрадиционные мусульмане, а также суфии демонстрируют более высокий уровень доверия к единоверцам, то менее религиозные этнические мусульмане, наоборот, показывают недостаток доверия единоверцам. Единственная группа, доверие к которой не связано с принадлежностью к определённой религиозной группе, — это друзья.

В то же время показатели, связанные с модернистскими ценностями, никак не влияют ни на один показатель закрытого социального капитала. Это означает, что гипотеза 2 (H 2) верна частично: принадлежность к более модернизированным общественным группам действительно негативно влияет на закрытый социальный капитал, однако корреляция между ним и модернистскими и (или) традиционными ценностями не наблюдается. Доверие к близким в ходе модернизации в Дагестане действительно снижается, но объясняется это не изменением взглядов респондентов на жизнь, а тем, что люди меняют среду, в которой они находятся, и начинают ориентироваться не только на сильные связи, распространённые в традиционных сообществах. Переход в иную городскую или религиозную среду также разрушает существовавшие традиционные регуляторы (так, живя в городе, человеку проще не соблюдать неформальные правила родного сообщества, поскольку об этом никто не узнает). Именно этим можно объяснить то, что принадлежность к нетрадиционным мусульманам коррелирует с более высоким уровнем доверия к единоверцам; коммуникация с ними при вступлении в данную социальную группу только усиливается.

На уровень закрытого социального капитала оказывают влияние некоторые контрольные переменные. Так, принадлежность к более пожилой возрастной когорте связана с более высоким уровнем доверия землякам и коллегам, что можно объяснить тем, что, согласно исследованию С. Макдональда и К. Меир, с возрастом количество и качество социальных связей, в особенности возникших в ходе профессиональной деятельности, растёт [McDonald, Mair 2010]. Прирост контактов среди своих коллег и земляков может повлиять и на уровень доверия к ним. Уровень закрытого социального капитала также связан с полом: мужчины более склонны доверять друзьям, землякам, представителям своей национальности и единоверцам. Это объяснимо тем, что женщины в патриархальном обществе менее активно участвуют в общественной жизни, из-за чего у них менее широкие социальные связи. Более того, согласно исследованию И. Ван Эммерик, даже в менее патриархальных обществах мужчины более склонны эффективно накапливать социальный капитал, чем женщины [Van Emmerik 2006].

Также на уровень доверия влияет образование: респонденты с более высоким уровнем образования более склонны доверять друзьям и коллегам; более высокий уровень образования родителей положительно связан с доверием друзьям и родственникам. Эти результаты также вполне укладываются в существующую литературу о социальном капитале. Так, работа Д. Бриссона и К. Ашера показывает, что уровень образования и взросление в более образованной среде влияют на уровень закрытого социального капитала в неблагополучных сообществах [Brisson, Usher 2005]. В то же время уровень образования негативно влияет на доверие к единоверцам и представителям своей национальности, что

городах уменьшает вероятность того, что респондент доверяет друзьям, на 28,1 процентного пункта (п. п.), то факт проживания в Махачкале — на 12,9 п. п.

может быть связано с тем, что люди, которые получили высшее образование, более склонны выстраивать социальные связи вне своей религиозной общины или своего этноса. Впрочем, данная гипотеза требует отдельного исследования, которое не входит в рамки темы данной статьи. Стоит также обратить внимание на то, что уровень религиозного образования сильно связан с доверием единоверцам, и это объяснимо эффектом самоотбора: люди, которые идут получать религиозное образование, скорее, доверяют представителям своей религиозной общины.

Говоря об открытом социальном капитале, стоит обратить внимание на результаты регрессии 1 (см. таблицу 4). Показатели, связанные с городом и постмодернистскими ценностями, не влияют на обобщённое доверие; в то же время показатель, связанный с традиционными ценностями (желание воспитывать послушание), оказывает значимое негативное влияние на открытый социальный капитал. Это означает, что носители традиционных норм менее склонны доверять большинству людей, тогда как носители модернистских и постмодернистских ценностей имеют более высокий уровень социального капитала.

Обратная закономерность наблюдается в случае религиозных групп. Принадлежность к модернистским направлениям ислама связана с меньшим уровнем социального капитала. У этого результата могут быть два объяснения. Во-первых, вероятно его связь со стигмой в отношении как не соблюдающих религиозные обряды, так и тех, кто их соблюдает отличным от традиционного образом. Это утверждение вполне правдоподобно, учитывая связь между социальным капиталом и социальной инклюзией [Daly, Silver 2008]. Во-вторых, привнесение извне новых верований может разрушить существовавшие традиционные нормы и регуляторы, не создавая новых общепринятых правил, из-за чего вероятность оппортунистического поведения со стороны индивидов растёт. Это, в свою очередь, приводит к тому, что уровень доверия снижается.

Говоря о контрольных переменных, стоит заметить, что среди дагестанских респондентов нет различий в уровне социального капитала, связанных с полом, светским или религиозным образованием, что говорит о том, что в модернизирующемся и урбанизирующемся обществе гендерное неравенство и различия в уровне человеческого капитала не влияют на готовность доверять незнакомым. В то же время обобщённое доверие положительно связано с возрастом, что также можно объяснить накоплением социальных связей с течением жизни. Куда более неожиданным результатом является негативная связь уровня образования родителей с объёмом доверия у их детей. Однозначного объяснения данного результата дать нельзя, но можно предположить, что недостаток доверия у детей родителей с высшим образованием связан с распадом городских сообществ в 1990-х гг., когда многие образованные горожане уехали из Дагестана. Потеряв данные социальные связи и не войдя в те узкие группы кланов и землячеств, где доверие друг к другу сохранилось, потомки образованных родителей растеряли имеющиеся запасы социального капитала. Впрочем, для проверки данной гипотезы необходимо дополнительное исследование коренных жителей дагестанских городов, которое на имеющихся в распоряжении данных выполнить затруднительно.

Таким образом, гипотеза 2 также частично подтверждается: открытый социальный капитал положительно связан с модернистским набором ценностей, однако приобщение к модернистской социальной группе, наоборот, коррелирует с более низким уровнем обобщённого доверия.

Есть ли иные трактовки полученных результатов? Можно было бы предположить, что существует обратная причинно-следственная связь: разрушение социального капитала в традиционном сообществе подталкивает людей в модернистские социальные группы или каким-то образом заставляет их принять модернистские ценности. Однако этому объяснению противоречит тот факт, что часть инструментов, используемых для оценки уровня модернизации, в отличие от социального капитала, неизменны во времени. Это касается как переменной, говорящей о факте рождения в городской среде, так и переменных, которые касаются ценностей: согласно Инглхарту, культурные и поведенческие установки формируются в период социализации подростка и во времени практически неизменны [Inglehart 1997].

Что касается религиозных групп, то здесь обратная причинно-следственная связь маловероятна, потому что социальный капитал необходим в том числе и для распространения новых идей и создания знаний [McFadyen, Cannella 2004], а его недостаток может препятствовать распространению нетрадиционных для региона концепций секуляризма и фундаментализма. Более того, наличие более высокого уровня доверия к единоверцам у нетрадиционных мусульман демонстрирует, что даже если социальный капитал и способствует распространению идей фундаментализма, то каналом передачи этих воззрений распространения являются именно религиозная община, а не родственники, коллеги или земляки. Сценарий, при котором те, кто не доверяет своему ближайшему окружению, компенсируют это, выстраивая социальные связи с единоверцами и распространяя среди них фундаментализм, также кажется маловероятным, учитывая, что согласно корреляционной матрице зависимых переменных, представленной в приложении (см. таблицу П.3), между доверием к единоверцам и доверием к остальным социальным группам наблюдается слабая положительная (а не отрицательная) связь. Факт экзогенности в некоторых случаях выбора модернистских религиозных воззрений¹², а также имеющаяся литература на тему связи между религией и доверием подтверждают, что принадлежность к модернистским религиозным группам влияет на социальный капитал, а не наоборот.

Альтернативным объяснением может быть неточность инструментов, связанных не с самими ценностями модернизации, а с принадлежностью к определённым социальным группам; к примеру, более низкий уровень закрытого социального капитала в городах связан с иными причинами, а не с более модернистским населением и не с распадом в городах традиционных общин. Не отрицая возможности этого, стоит заметить, что каждая зависимая переменная (кроме доверия к друзьям) имеет как минимум две значимо связанные независимые переменные, относящиеся к модернистским группам (городским или религиозным). Это позволяет предположить, что значимость данных инструментов действительно связана именно с фактором модернизации, а не с иными возможными объяснениями.

Перейдём к проверке гипотезы 2 (H 2). Для её проверки стоит рассчитать значение радиуса социального капитала. Необходимые для этого коэффициенты получены с помощью регрессии, представленной в таблице 5.

Таблица 5

Результаты проверки гипотезы 2 (H 2)

Зависимая переменная	Коэффициент
Доверие к своим	0,099** (0,043)
Доверие к чужим	0,121*** (0,044)
Константа	0,354*** (0,023)
Observations	1,530
R ²	0,014
Adjusted R ²	0,013
Residual Std. Error	0,491 (df = 1527)
F Statistic	10,858*** (df = 2; 1527)

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки оценок коэффициентов. * $p < 0,1$, ** $p < 0,5$, *** $p < 0,01$.

¹² Многие этнические мусульмане становятся таковыми из-за того, что их родители также являются этническими мусульманами; в некоторых случаях (особенно в сёлах) обращение к нетрадиционному исламу связано с тем, что в ближайшей мечети службу ведёт более фундаменталистски настроенный имам.

Из регрессии следует, что коэффициент корреляции доверия к чужим равен 0,121, коэффициент корреляции доверия к своим равен 0,099, а значит, радиус доверия, вычисленный по используемой в данной работе методологии, равен 0,511. Учитывая, что среднее значение радиуса доверия для исследуемых Делеем и коллегами [Delhey, Newton, Welzel 2011] равно 0,58, можно сделать вывод о том, что обобщённый социальный капитал в дагестанском обществе скорее закрытый, чем открытый, и распространяется в основном лишь на знакомых респондентам людей. Сравнивая радиус доверия в Дагестане с аналогичными показателями для 41 страны мира, можно заметить, что показатель в среднем по России выше, а Дагестан сопоставим с Бразилией, Индией, Индонезией и Кипром, которые также являются странами с узким радиусом доверия. При этом стоит учитывать, что используемая в данной статье методология ощутимо переоценивает радиус доверия в Дагестане, а в выборку, скорее, не попали те, кто вообще не доверяет никому, что означает: на самом деле социальный капитал в регионе ещё более закрытый, чем показывают полученные результаты. Таким образом, гипотеза 3 (H 3) полностью подтверждается.

Заключение

Подведём итоги. Проведённое на основе дагестанских данных исследование показало, что процесс модернизации оказывает двоякое влияние на социальный капитал. С одной стороны, как и описывает теория Инглхарта, менее традиционалистские ценности связаны с более высоким уровнем открытого социального капитала, при этом практически не оказывая влияние на закрытый социальный капитал. Это говорит о том, что процесс модернизации общества в долгосрочном периоде оказывает положительное воздействие на уровень доверия к людям. С другой стороны, принадлежность к модернистским группам (например, к городским жителям или к модернистским религиозным группам) коррелирует с более низким уровнем закрытого социального капитала, а в случае религиозных групп — и с более низким уровнем обобщённого доверия. Объясняется это тем, что из-за распада существующих тесных связей внутри традиционных сообществ уровень доверия к близкому окружению может снижаться, а также, в случае с обобщённым доверием, с тем неустойчивым положением, которое модернистские группы занимают в преимущественно традиционном обществе. Кроме того, работа показала, что вопреки процессу модернизации структура социального капитала в Дагестане по-прежнему соответствует странам с преобладанием традиционных регуляторов: в регионе наблюдается достаточно низкий уровень радиуса доверия.

Из этих результатов можно сделать три важных вывода:

- процесс формирования социального капитала в ходе модернизации, вопреки некоторым первоначальным воззрениям, не является линейным. Хотя в современных развитых странах уровень социального капитала выше, чем в традиционных сообществах, в процессе модернизации, как показывает пример Дагестана, преобладающий в обществе закрытый социальный капитал, наоборот, может разрушаться;
- в Дагестане, подобно остальным традиционным обществам, на данный момент преобладает закрытый социальный капитал, который, как следует из литературы, не даёт того же положительного экономического эффекта, что открытый. Рассматривая социальный капитал как фактор экономического роста, стоит учитывать, что в тех обществах, которые только претерпевают модернизацию, большой объём социального капитала может не давать ожидаемой отдачи;
- несмотря на то что республики Северного Кавказа, согласно некоторым исследованиям [Коробейников et al. 2015], являются регионами с высоким (по сравнению с другими субъектами Федерации) уровнем социального капитала, этот социальный капитал не способствует экономическому развитию из-за того, что радиус доверия в Дагестане и других северокавказских республиках включает в основном родственников и друзей. Стандартные методики могут го-

ворить о наличии социального капитала в наименее экономически развитых регионах России, но на самом деле он не так непродуктивен, как в более модернизированных российских мегаполисах. Этот результат вполне укладывается в существующие представления о состоянии социального капитала в российских регионах: согласно Л. Д. Гудкову, в малых российских городах наблюдается более высокий уровень социального капитала, чем в старопромышленных центрах, однако это доверие «традиционное» и распространяется лишь на близкий круг людей [Гудков 2012].

Следует отметить, что у данного исследования существуют ограничения, которые стоит учитывать при интерпретации результатов. Исследование основано на нерепрезентативной выборке, из-за чего возникают две проблемы.

Первая проблема заключается в том, что из-за недопредставленности некоторых социальных групп абсолютные значения показателей доверия становятся искажёнными и неинформативными. Хотя это не влияет на регрессионный анализ (благодаря большому объёму наблюдений и широким каналам распространения анкеты), данная проблема лишает нас многих фактов, связанных с оценкой уровня социального капитала в Дагестане. Проведение исследования с помощью телефонного опроса могло бы дать более точные количественные оценки.

Вторая — и более существенная — проблема заключается в методике распространения анкеты: в опросе вряд ли будут участвовать те, кто не доверяет незнакомцам. Кроме того, наиболее традиционалистские слои дагестанского общества, вероятно, также не имели возможности участвовать в опросе из-за отсутствия Интернета. Соответственно, в нашей выборке недопредставлены люди с самым низким уровнем социального капитала и наиболее традиционалистскими установками, что может искажать результаты. Существующие полевые исследования (см., например: [Ситкевич 2021]) показывают, что такие низкие уровни доверия наблюдаются как раз в наиболее оторванных от остального мира и наименее модернизированных сёлах, тогда как, например, в активно торгующем с остальным миром селе Кубачи радиус доверия, хотя и не распространяется на всех незнакомцев, включает всех коренных жителей села. В то же время даже там, где наблюдается низкий уровень открытого социального капитала (в упомянутом выше исследовании Д. А. Ситкевича — в селе Цыйша), люди склонны доверять своим родственникам и друзьям, отказывая в доверии лишь более широким кругам. Это значит, что описанная проблема не влияет на результаты, связанные с обобщённым доверием (из регрессий следует, что у носителей традиционных ценностей и так низкое доверие) и узким радиусом доверия (те, кто не доверяет незнакомцам, как показывают полевые исследования, вполне доверяют родственникам, друзьям и соседям), но может затронуть результаты регрессий, в которых зависимыми переменными выступают уровень доверия к коллегам и представителям своей национальности, так как такого широкого радиуса доверия у тех, кто недопредставлен в выборке, точно нет. Из этого следует, что выводы для данных показателей о динамике доверия верны лишь без учёта наиболее закрытых традиционалистских сообществ. Кроме того, в работе из-за отсутствия переменных в датасете не учитывается фактор дохода и наличия трудоустройства, который в теории может повлиять на уровень доверия.

В завершение отметим, что, хотя Дагестан является видным примером региона с наличием как традиционных регуляторов, так и носителей модернистских ценностей, было бы правильным для проверки результатов посмотреть, насколько выявленные в работе закономерности выполняются в других регионах и при других традиционных нормах. Аналогичная проверка динамики социального капитала в регионах российского «библейского пояса», описанного А. Н. Щербак и М. В. Ухватовой [Щербак, Ухватова 2018], могла бы стать интересной темой для следующей работы. Тем не менее теоретическая база работы позволяет предположить, что подобные паттерны трансформации социального капитала характерны не только для Дагестана, но и для остальных модернизирующихся регионов.

Приложение

Таблица П.1

**Распределение показателей доверия внутри групп
основных объясняющих переменных (в %)**

Независимые переменные	Обобщённое доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам
Проживание в городе	41,25	68,21	57,56	11,55	19,87	8,5	28,56
Проживание в селе	45,3	73,7	63,52	15,56	21,85	11,85	37,59
Городское происхождение	35,46	67,04	61,4	8,58	15,58	6,77	30,47
Сельское происхождение	45,11	71,09	58,84	14,42	22,32	10,63	31,88
Нетрадиционные мусульмане	36,21	67,03	61,76	9,01	13,85	6,37	50,11
Этнические мусульмане	41,23	67,66	58,72	9,57	21,28	7,45	5,74
Суфии	46,8	72,75	59,13	18,53	25,07	13,08	39,51
Традиционные мусульмане	47,87	73,97	58,08	16,16	23,29	12,88	33,42
Желание воспитывать послушание	34,27	72,07	59,9	14,56	19,81	10,98	40,01
Желание воспитывать самовыражение	45,65	68,43	59,68	11,98	18,66	7,6	19,81

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Таблица П.2

Корреляционная матрица переменных интереса

Переменные	Суфии	Нетрадиционные мусульмане	Этнические мусульмане	Традиционные мусульмане	Проживание в городе	Городское происхождение	Желание воспитывать послушание	Желание воспитывать самовыражение
Суфии	1	- 0,3	- 0,3	- 0,3	0	- 0,1	0,1	- 0,1
Нетрадиционные мусульмане	- 0,3	1	- 0,4	- 0,3	- 0,1	0,1	0	- 0,1
Этнические мусульмане	- 0,3	- 0,4	1	- 0,3	0	0	- 0,1	0,2
Традиционные мусульмане	- 0,3	- 0,3	- 0,3	1	0	0	0	0
Проживание в городе	0	- 0,1	0	0	1	0,3	- 0,1	0,1
Городское происхождение	- 0,1	0,1	0	0	0,3	1	0	0,1
Желание воспитывать послушание	0,1	0	- 0,1	0	- 0,1	0	1	- 0,1
Желание воспитывать самовыражение	- 0,1	- 0,1	0,2	0	0,1	0,1	- 0,1	1

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Таблица П.3

Корреляционная матрица зависимых переменных

Переменные	Обобщённое доверие	Доверие родственникам	Доверие друзьям	Доверие землякам	Доверие коллегам	Доверие представителям своей национальности	Доверие единоверцам
Обобщённое доверие	1	0	0	0	0	0	0
Доверие родственникам	0	1	0,5	0,2	0,3	0,2	0,2
Доверие друзьям	0	0,5	1	0,3	0,3	0,2	0,2
Доверие землякам	0	0,2	0,3	1	0,5	0,7	0,3
Доверие коллегам	0	0,3	0,3	0,5	1	0,5	0,2
Доверие представителям своей национальности	0	0,2	0,2	0,7	0,5	1	0,3
Доверие единоверцам	0	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	1

Источник: собственные вычисления автора статьи.

Литература

Гимбатов Ш. М. 2011. Роль социального капитала в экономическом развитии региона. *Вопросы структуризации экономики*. 2: 91–93

Гудков Л. Д. 2012. «Доверие» в России: смысл, функции, структура. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2 (112): 8–47.

Казенин К. И. 2015. Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации». *Экономическая политика*. 10 (3): 113–133.

Коробейников А. et al. 2015. *Социальный капитал: альтернативный источник энергии*. Москва: Авен-тика. URL: http://gis.psu.ru/wp-content/uploads/2015/12/Коробейников_Социальный-капитал.pdf

Ситкевич Д. А. 2021. Факторы развития гибридных институциональных соглашений в традиционных сообществах. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 13 (1): 7–25

Стародубровская И. В. 2014. Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному. *Pro et Contra*. 18 (1–2): 96–105.

Стародубровская И. В. 2015. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. *Экономическая политика*. 10 (3): 68–88.

Стародубровская И. В., Варшавер Е. А., Лазарев Е. А. 2016. Ценности дагестанских мусульман: что показал опрос. *Кавказский Узел*. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/itogi_oprosa_naselenia_Dagestana/

Стародубровская И. В., Казенин К. И. 2014. Северокавказские города: территория конфликтов. *Общественные науки и современность*. 6: 70–82.

Стариков И. Г. 2015. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? *Общественные науки и современность*. 4: 153–164.

- Шахбанова М. М., Нурилова А. З. 2015. Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов. *История, археология и этнография Кавказа*. 11 (1): 141–151
- Щербак А. Н., Ухватова М. В. 2018. От «красного пояса» — к «библейскому»: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России. *Общественные науки и современность*. 6: 98–113.
- Ярлыкапов А. А. 2014. Ислам и конфликт на Кавказе. В кн.: Гусейнов Г. Ч. (сост.) *Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности*. М.: Новое литературное обозрение; 183–215.
- Alberti F. 2006. The Decline of the Industrial District of Como: Recession, Relocation or Reconversion? *Entrepreneurship and Regional Development*. 18 (6): 473–501.
- Balliet D., Van Lange P. 2013. Trust, Conflict, and Cooperation: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. 139 (5): 1090–1112.
- Becattini G. 2004. *Industrial Districts: A New Approach to Industrial Change*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Beugelsdijk S., Smulders S. 2003. Bridging and Bonding Social Capital: Which Type is Good for Economic Growth? In: Arts W., Hagenaars J., Halman L. (eds). *The Cultural Diversity of European Unity*. Leiden: Brill; 275–310.
- Behtoui A., Neergaard A. 2016. Social Capital and the Educational Achievement of Young People in Sweden. *British Journal of Sociology of Education*. 37 (7): 947–969.
- Bradshaw Y. 1987. Urbanization and Underdevelopment: A Global Study of Modernization, Urban Bias, and Economic Dependency. *American Sociological Review*. 52 (2): 224–239.
- Brisson D. S., Usher C. L. 2005. Bonding Social Capital in Low-Income Neighborhoods. *Family Relations*. 54 (5): 644–653.
- Carter M., Castillo M. 2002. The Economic Impacts of Altruism, Trust and Reciprocity: An Experimental Approach to Social Capital. *Staff Papers*. 12616. University of Wisconsin-Madison; Department of Agricultural and Applied Economics.
- Daly M., Silver H. 2008. Social Exclusion and Social Capital: A Comparison and Critique. *Theory and Society*. 37 (6): 537–566.
- Delhey J., Newton K., Welzel C. 2011. How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. 76 (5): 786–807.
- Di Falco S., Bulte E. 2011. A dark Side of Social Capital? Kinship, Consumption, and Savings. *Journal of Development Studies*. 47 (8): 1128–1151.
- Forrest R., Kearns A. 2001. Social Cohesion, Social Capital and the Neighborhood. *Urban Studies*. 38 (12): 2125–2143.

- Fukuyama F. 2001. Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. 22 (1): 7–20.
- Glanville J., Shi Q. 2020. The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism. *Social Forces*. 98 (4): 1801–1828.
- Häuberer J., Tatarko A. 2017. Network Composition, Individual Social Capital and Culture: Comparing Traditional and Post-Modernized Cultures. *Sociological Research Online*. 22 (2): 1–20.
- Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, And Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Baker W. 2000. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 65 (1): 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. 2010. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. 8 (2): 551–567.
- Kaasa A. 2013. Religion and Social Capital: Evidence from European Countries. *International Review of Sociology*. 23 (3): 578–596.
- Knack S. 2002. Social Capital and the Quality of Government: Evidence from the States. *American Journal of Political Science*. 46 (4): 772–785.
- Knack S., Keefer P. 1997. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. 112 (4): 1251–1288.
- Lancee B. 2010. The Economic Returns of Immigrants' Bonding and Bridging Social Capital: The case of the Netherlands. *International Migration Review*. 44 (1): 202–226.
- McDonald S., Mair C. A. 2010. Social Capital Across the Life Course: Age and Gendered Patterns of Network Resources. *Sociological Forum*. 25 (2): 335–359
- McFadyen M. A., Cannella A. A., Jr. 2004. Social Capital and Knowledge Creation: Diminishing Returns of the Number and Strength of Exchange Relationships. *WPC: Management and Entrepreneurship*. 47 (5): 735–746.
- Okoye D. 2021. Things Fall Apart? Missions, Institutions, and Interpersonal Trust. *Journal of Development Economics*. 148 (January): 1–78.
- Parsons, T., Shils, E. A. 1951. *Toward a General Theory of Action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Portes A. 1998. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. 24 (1): 1–24.
- Putnam R. 1993. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life. *The American Prospect*. 13 (4): 35–42.
- Putnam R. 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

- Radnitz S., Wheatley J., Zürcher C. (2009) The Origins of Social Capital: Evidence from a Survey of Post-Soviet Central Asia. *Comparative Political Studies*, 42 (6): 707–732.
- Rostow W. W. 1960. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Uphoff N. 2000. *Operationalizing Social Capital: Explaining and Measuring Mutually Beneficial Collective Action in Rajasthan, India*. URL: <https://www.ircwash.org/resources/operationalizing-social-capital-explaining-and-measuring-mutually-beneficial-collective>
- Van Emmerik I. H. 2006. Gender Differences in the Creation of Different Types of Social Capital: A Multilevel Study. *Social Networks*. 28 (1): 24–37.
- Westlund H., Adam F. 2010. Social Capital and Economic Performance: A Metaanalysis of 65 Studies. *European Planning Studies*. 18 (6): 893–919.

NEW TEXTS

Daniil Sitkevich

Effects of Modernization on Social Capital: Evidence from Dagestan

SITKEVICH, Daniil —

Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3–5 Gazetny lane, Moscow, 125993, Russian Federation; PhD student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: Moscow, GSP-1, 1–46 Leninskiye Gory, 119991, Russian Federation.

Email: Sitkevich@iep.ru

Abstract

The paper scrutinizes the differences between the traditional and modernistic social groups of Dagestan, Russia—a region in the south of Russia that is only now undergoing the process of modernization. As an important factor in economic development in developed countries, social capital and trust often have a negative impact on the level of well-being in traditional communities. The research, based on a sociological survey of residents of the Republic of Dagestan, shows that this pattern is due to the fact that in traditional society, the radius of trust (which is one of the most important components of social capital) extends only to the immediate environment. This is why social capital in such communities produces lower returns. Moreover, using variables associated with the process of breaking traditional norms (residence and birth in the city, modernist religious beliefs, importance of free time, and desire to educate children in self-expression values and foster

values of obedience), this article argues that the modernization process leads to the destruction of closed social capital, expressed in the decline of trust in relatives, friends, colleagues, neighbors, and representatives of the same nationality. At the same time, the transformation of traditional norms has a different effect on open social capital—having more modernistic values is positively linked to generalized trust, while being a part of modernistic social groups demonstrates a negative link. The results enable us to conclude that the high level of social capital recorded in other studies in the North Caucasus (and in Dagestan, in particular) is actually associated with a high level of trust in the surrounding environment and is not as productive as in other regions.

Keywords: social capital; modernization; traditional society; trust; transformation of norms; Dagestan.

Acknowledgements

The article was written in the framework of research of the Gaidar Institute for Economic Policy “The Impact of social capital on economic development in post-collectivist societies (on the example of the North Caucasus)”.

References

- Alberti F. (2006) The Decline of the Industrial District of Como: Recession, Relocation or Reconversion? *Entrepreneurship and Regional Development*, vol. 18, no 6, pp. 473–501.
- Balliet D., Van Lange P. (2013) Trust, Conflict, and Cooperation: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*, vol. 139, no 5, pp. 1090–1112.
- Becattini G. (2004) *Industrial Districts: A New Approach to Industrial Change*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

- Behtoui A., Neergaard A. (2016) Social Capital and the Educational Achievement of Young People in Sweden. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 37, no 7, pp. 947–969.
- Beugelsdijk S., Smulders S. 2003. Bridging and Bonding Social Capital: Which Type is Good for Economic Growth? In: *The Cultural Diversity of European Unity* (eds. W. Arts, J. Hagenaars, L. Halman), Leiden: Brill, pp. 275–310.
- Bradshaw Y. (1987) Urbanization and Underdevelopment: A Global Study of Modernization, Urban Bias, and Economic Dependency. *American Sociological Review*, vol. 52, no 2, pp. 224–239.
- Brisson D. S., Usher C. L. (2005) Bonding Social Capital in Low-Income Neighborhoods. *Family Relations*, vol. 54, no 5, pp. 644–653.
- Carter M., Castillo M. (2002) The Economic Impacts of Altruism, Trust and Reciprocity: An Experimental Approach to Social Capital. *Staff Papers*, no 12616, University of Wisconsin-Madison; Department of Agricultural and Applied Economics.
- Daly M., Silver H. (2008) Social Exclusion and Social Capital: A Comparison and Critique. *Theory and Society*, vol. 37, no 6, pp. 537–566.
- Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*, vol. 76, no 5, pp. 786–807.
- Di Falco S., Bulte E. (2011) A Dark Side of Social Capital? Kinship, Consumption, and Savings. *Journal of Development Studies*, vol. 47, no 8, pp. 1128–1151.
- Forrest R., Kearns A. 2001. Social Cohesion, Social Capital and the Neighborhood. *Urban Studies*, vol. 38, no 12, pp. 2125–2143.
- Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*, vol. 22, no 1, pp. 7–20.
- Gimbatov Sh. M. (2011) Rol' sotsial'nogo kapitala v ekonomicheskom razvitiie regiona [The Role of Social Capital in the Economic Development of the Region]. *Issues of Economic Structuring = Voprosy strukturizatsii ekonomiki*, no 2, pp. 91–93 (in Russian).
- Glanville J., Shi Q. 2020. The Extension of Particularized Trust to Generalized and Out-Group Trust: The Constraining Role of Collectivism. *Social Forces*, vol. 98, no 4, pp. 1801–1828.
- Gudkov L. D. (2012) «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura. [“Trust” in Russia: Meaning, Functions, Structure]. *The Russian Public Opinion Herald = Vestnik obshchestvennogo mnenija*, no 2 (112), pp. 8–47 (in Russian).
- Häuberer J., Tatarko A. (2017) Network Composition, Individual Social Capital and Culture: Comparing Traditional and Post-Modernized Cultures. *Sociological Research Online*, vol. 22, no 2, pp. 1–20.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*, Princeton: Princeton University Press.

- Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change, and the persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, vol. 65, no 1, pp. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. (2010) Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*, vol. 8, no 2, pp. 551–567.
- Jarlykapov A. A. (2014) Islam i konflikt na Kavkaze [Islam and the Conflict in the Caucasus]. *Bol'shoy Kavkaz dvadtsat' let spustya. Resursy i strategii politiki identichnosti* [Greater Caucasus Twenty Years Later. Identity Policy Resources and Strategies] (ed. G. Guseinov), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 183–215 (in Russian).
- Kaasa A. (2013) Religion and Social Capital: Evidence from European Countries. *International Review of Sociology*, vol. 23, no 3, pp. 578–596.
- Kazenin K. I. (2015) Regulirovanie zemel'nykh otnosheniy v Dagestane: sotsial'no-ekonomicheskie korni «tradsitionalizatsii» [Land Property Regulation in Dagestan: Socio-economic Basis of 'Traditionalization']. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, vol. 10, no 3, pp. 113–133 (in Russian).
- Knack S. (2002) Social Capital and the Quality of Government: Evidence from the States. *American Journal of Political Science*, vol. 46, no 4, pp. 772–785.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly journal of economics*, vol. 112, no 4, pp. 1251–1288.
- Korobejnikov A., Akishin A., Gil'fanova D., Dolganov V., Korobejnikov E., Moiseev S. (2015) *Sotsial'naya kapital: al'ternativnyy istochnik energii* [Social Capital: Alternative Source of Energy], Moscow: Aven-tica. Available at: http://gis.psu.ru/wp-content/uploads/2015/12/Коробейников_Социальный-капитал.pdf (accessed 29 April 2021) (in Russian).
- Lancee B. (2010) The Economic Returns of Immigrants' Bonding and Bridging Social Capital: The Case of the Netherlands. *International Migration Review*, vol. 44, no 1, pp. 202–226.
- McDonald S., Mair C. A. (2010) Social Capital Across the Life Course: Age and Gendered Patterns of Network Resources. *Sociological Forum*, vol. 25, no 2, pp. 335–359.
- McFadyen M. A., Cannella A. A., Jr. (2004) Social Capital and Knowledge Creation: Diminishing Returns of the Number and Strength of Exchange Relationships. *WPC: Management and Entrepreneurship*, vol. 47, no 5, pp. 735–746.
- Okoye D. (2021) Things Fall Apart? Missions, Institutions, and Interpersonal Trust. *Journal of Development Economics*, vol. 148, January, pp. 1–78.
- Parsons T., Shils E. A. (1951) *Toward a General Theory of Action*, Cambridge: Harvard University Press.
- Portes A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, no 1, pp. 1–24.
- Putnam R. (1993) The Prosperous Community: Social Capital and Public Life. *The American Prospect*, vol. 13, no 4, pp. 35–42.

- Putnam R. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York: Simon and Schuster.
- Radnitz S., Wheatley J., Zürcher C. (2009) The Origins of Social Capital: Evidence from a Survey of Post-Soviet Central Asia. *Comparative Political Studies*, vol. 42, no 6, pp. 707–732.
- Rostow W. W. (1960) *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Shahbanova M. M., Nurilova A. Z. (2015) Spetsifika projavleniya religioznoy identichnosti dagestanskikh narodov [Specificity of the Manifestation of the Religious Identity of the Dagestani Peoples]. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus = Istoriya, arheologiya i jetnografiya Kavkaza*, vol. 11, no 1, pp. 141–151 (in Russian).
- Shcherbak A. N., Uhvatova M. V. (2018) Ot “krasnogo poyasa” — k “bibleyskomu”: istoricheskie predposylki sdvigo v politicheskoy geografii Rossii [From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: Historical Roots of the Shift in Russian Political Geography]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 98–113 (in Russian).
- Sitkevich D. A. (2021) Faktory razvitiya gibridnykh institutsional'nykh soglasheniy v traditsionnykh soobshchestvakh [Factors of Development of Hybrid Institutional Agreements in Traditional Societies]. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal = Nauchnye issledovaniya Ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*, vol. 13, no 1, pp. 7–25 (in Russian).
- Starikov I. G. (2015) Sotsial'nyy kapital i sotsial'naya mobil'nost' v Mahachkale, ili Chto delat', esli u tebya net vlijatel'nykh rodstvennikov? [Social Capital and Social Mobility in Makhachkala, or What if You don't have Influential Relatives?] *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, vol. 4, no 153–164 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V. (2014) Transformatsiya Severnogo Kavkaza: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu [Transformation of the North Caucasus: From Traditional Society to Modern]. *Pro et Contra*, vol. 18, no 1-2, pp. 96–105 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V. (2015). Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noy transformatsii [Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation]. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, vol. 10, no 3, pp. 68–88 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V., Kazenin K. I. (2014) Severokavkazskie goroda: territoriya konfliktov [North Caucasian Cities: Territory of Conflicts]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 70–82 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V., Varshaver E. A., Lazarev E. A. (2016) Tsennosti dagestanskikh musul'man: chto pokazal opros [Values of Dagestan Muslims: What the Survey Showed]. *Caucasian Knot = Kavkazskiy Uzel*. Available at: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/itogi_oprosa_naselenia_Dagestana/ (accessed 29 April 2021) (in Russian).
- Uphoff N. (2000) Operationalizing Social Capital: Explaining and Measuring Mutually Beneficial Collective Action in Rajasthan, India. Available at: <https://www.ircwash.org/resources/operationalizing-social-capital-explaining-and-measuring-mutually-beneficial-collective> (accessed 29 April 2021).

Van Emmerik I. H. (2006) Gender Differences in the Creation of Different Types of Social Capital: A Multi-level Study. *Social Networks*, vol. 28, no 1, pp. 24–37.

Westlund H., Adam F. (2010) Social Capital and Economic Performance: A Metaanalysis of 65 Studies. *European Planning Studies*, vol. 18, no 6, pp. 893–919.

Received: July 15, 2020

Citation: Sitkevich D. (2021) Sotsial'nyy kapital v moderniziruyushchetsya obshchestve: primer Dagestana [Effects of Modernization on Social Capital: Evidence from Dagestan]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 3, pp. 11–38. doi: [10.17323/1726-3247-2021-3-11-38](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-11-38) (in Russian).